

Сергей Прокопьев

**ТРИ СМУТЫ
НА ОДНУ ЖИЗНЬ**

16+

Сергей Прокопьев

Три смуты на одну жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Прокопьев С. Н.

Три смуты на одну жизнь / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Героиня моей новой повести немка, из меннонитов, переселившихся в Россию во времена Екатерины II. Безоблачным было только детство, прерванное Гражданской войной, когда её родной Молчанск переходил из рук в руки. Грабили и убивали махновцы и анархисты, убивали и грабили белые и красные. Почти ровесница XX века, она несла на себе все его тяготы. Теряла самых близких – в Гражданскую, в 1937-м, в Великую Отечественную. Не миновала ГУЛАГ, где нашла мужа, родила детей. Наконец, всё осталось в прошлом, жизнь вступила в осень, но снова излом – падение Советского Союза, а она живёт в Казахстане.

Содержание

Сергей Прокопьев	5
Авторское вступление	5
Тётушки Вильмс и Демьян Бедный	10
Дедушка Герман Нейфельд	13
Бабушка Эмилия	15
Наш двор	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Прокопьев

ТРИ СМУТЫ НА ОДНУ ЖИЗНЬ

Повесть

Авторское вступление

– Бабуля, ты у меня лучшая! – убеждала Эльфриду Германовну внучка Леночка. – Мы тебе такой эксклюзивный юбилей замутим! – и тут же поправились, зная бабушкину нелюбовь к современным жаргонизмам. – То бишь, проведём! Даже представить себе не можешь, как будет восхитительно! Сценарий нарисую по высшему классу...

Остроглазая Леночка (красавица, комсомолка, студентка) была заряжена «замутить» любимой бабушке из праздников праздник, не из застольно сидячих, когда гости с первых минут окопаются у тарелок, салатов и бутылок – трактором не сдвинешь с занятых позиций! Леночка училась в институте культуры, с высоты достижений мирового искусства видела действо с оригинальными стихами, песнями, плакатами по стенам. Внучка удалась вся в бабушку – много что умела делать. Стихи написать – пожалуйста, что-то нарисовать – тоже никому кланяться не пойдёт. Любое дело горело в руках. А уж петь да играть на всём, что под руку попадётся – это профессионально.

Эльфриде Германовне исполнилось семьдесят пять. Возраст не юный, только бабушка на удивление была ещё хоть куда – полная сил и жизненной энергии. Однако на идею проведения юбилейных торжеств без всякого кокетства замотала головой «не-не-не-не». Не хотела каких бы то ни было празднований. Лишь под напором детей сдалась, и тут же наотрез отмела вариант с кафе-рестораном.

– У моей бабушки было восемь человек прислуги, – возразила самым категоричным образом, – тем не менее никогда кухню на самотёк не пускала, сама любила готовить, и я не без рук выросла, могу ещё своих детей и внуков накормить лучше всякого ресторана! Сама всё сделаю.

– Бабулечка, оно тебе надо возиться? – горячо убеждала Леночка. – У нас самых-самых близких вагон и маленькая тележка – без малого двадцать человек, если все съедутся.

– Как ты не понимаешь, Леночка, это ведь в радость любимых вкусеньким порадовать. Буженинку сделаю, как ты любишь.

– Ой-ой! Обязательно! В институте иногда так захочется твоей буженинки или булочек с маком! Ни мама, никто-никто так не сделает, как ты!

– Вот видишь! – расцвела бабушка от удовольствия.

Все дети собрались на юбилей, все до одного приехали в Серебрянск, что в Казахстане на берегу Иртыша, неподалёку от Бухтарминской ГЭС. Эльфрида Германовна жила с дочерью Людмилой, мамой Леночки. Младший сын Николай приехал с семьёй из Омска, старший Александр – из Ленинграда, дочь Эльвира – с Байконура. Леночка «замутила» спектакль с поголовным привлечением гостей. Не предоставила им возможности угнездиться и пустить корни на весь вечер за столом – пели по одному и хором, стихи читали сольно и выстроившись в ряд в формате, который в школе назывался «литературным монтажом». Леночка, само собой, не сходила с манежа. За месяц до юбилея обзвонила дядь и тётю, раздала всем задания, понаделала плакатов – рисовала, писала, фотографии клеила. Поздравляя бабушку, на чём только не играла – гитаре, аккордеоне, фортепиано – и пела.

Юбиляр сидел на царском месте благодарным зрителем, аплодируя, смеясь, вытирая слёзы счастья.... Время от времени Леночка, согласно сценарию, задавала виновнику торже-

ства вопросы от самых банальных – «любимое блюдо», до философских: какие годы в своей семидесятипятилетней жизни считает самыми счастливыми? На последний вопрос Эльфрида Германовна, возбуждённая присутствием самых любимых на земле людей, растроганная происходящим, ответила:

– Детство до семнадцатого года – рай: мама, папа, бабушка, дедушка, сонм тётушек-умниц, няни-хохлуши, большой дом, огромный двор, сердечное тепло, забота. Всё кончилось, когда в Молочанск нагрянули анархисты, а потом началась чехарда – махновцев сменяли красные, красных – белые, германцы стояли, снова пришли красные...

Эльфрида Германовна вытерла набевжавшую слезу, а потом добавила:

– Давно это было, а сейчас моё счастье это вы! Много в жизни случилось такого, что вспоминать не хочется: две смуты довелось пережить. Это когда не знаешь, что будет завтра и, вообще, будет ли оно. Четверых братьев потеряла... Все младше меня... Будь всё хорошо – могли бы сейчас с нами сидеть, а так сгнули, да так, что где косточки не знаю... Папу застрелили... Не дай Бог такое никому. Но, слава Богу, всё в прошлом... Вы у меня замечательные, у вас всё замечательно, всякая мать мечтает о таких детях, а бабушка – о таких внуках.

Сын Николай возьми и скажи не по сценарию:

– Мама, давно собираюсь попросить тебя: за твоими плечами такая насыщенная жизнь, взяла бы да и описала её подробно.

Родственники подхватили:

– Напиши, ты ведь нам почти ничего не рассказывала.

Это верно, она считала, ни к чему знать детям лишнее. Много лет боялась навредить им прошлым: своим буржуазным происхождением, лагерным сроком, наличием родственников за границей. И внуков не посвящала в перипетии долгой жизни. Но ведь наступила гласность, перестройка. Слава Богу, все смуты в далёком прошлом, слава Богу, жизнь вошла в берега.

Она ещё не знала, что скорби её не кончились, судьба, подарившая светлое детство, не наделит спокойной старостью. Земная жизнь не будет заключена в красивые рамки: с одной стороны счастливое детство, а с другой – спокойная старость.

– Рассказать, конечно, есть о чём, – скажет за юбилейным столом, – да кому это надо?

– Нам! – дружно ответили дети-внуки.

– Хорошо, – пообещала Эльфрида Германовна, – подумаю.

Не сразу, ой как не сразу Эльфрида Германовна взялась исполнять наказ, лишь добавив к своим семидесяти пяти годам ещё семь, а к двум пережитым смутам ещё одну, сядет за воспоминания.

...Попадут ко мне эти пожелтевшие листочки А4 формата случайно (если есть что-то случайное в жизни) – воскресным днём затрезвонил телефон, в трубке зазвучит незнакомый голос, он назовётся Раисой Васильевной и спросит: не заинтересуют ли меня воспоминания человека, который прожил восемьдесят восемь лет и многое повидал?

Через неделю я держал в руках полтора десятка листочков, покрытых густым подслеповатым машинописным текстом. Когда-то давным-давно моя югославская печатная машинка, если краска на ленте порядком выбивалась, печатала аналогичным образом. Эти листочки легли в основу нижеследующей повести-монолога. Но прежде чем дать слово героини, скажу несколько слов о её происхождении.

Как это нередко со мной случается, сделаю зигзаг в повествовании. В самом конце восьмидесятих годов прошлого века попала мне книжка, название не отложилось в памяти, возможно, – «Любовники Екатерины II». Это была сделанная на множительной технике копия с издания начала XX века. Скажу честно, не сразу понял (наивным был), что держу в руках поделку бойкого шелкопёра, состряпанную по заказу тех, кто проводил перед революцией хорошо продуманную политику дискредитации российской монархии. Это был один из комков грязи, которыми проворные деятели подло чернили царей в глазах русского общества. Надо

сказать, советская пропаганда, всячески унижавшая царскую власть, всё же не опускалась до откровенной пошлости, на которой была построена упомянутая выше книжка. В ней Екатерина Великая выглядела похотливой, сумасбродной женщиной, у которой роились в голове одни грубые телесные утехы и ничего более. Понятно, для коммунистов цари с их ролью в истории страны – кость в горле, всячески старались принизить заслуги монархов перед государством российским, однако ещё до большевиков началась (и продолжается, пример тому фильм «Матильда») кампания мазания грязью российских монархов, дескать, они сплошь палачи, блудодеи и слабаки. Из этого умозаключения сам собой напрашивается вывод: великая империя возникла без всякой логики. Если согласно атеистической теории вселенная образовалась из всемирного хаоса и космической пыли, можно сказать, из ничего появились звёзды, планеты, галактики, так и Российская империя вопреки царям-тупицам-тиранам-бабникам и слабакам вдруг раскинула границы на такой гигантской территории, что солнце едва не половину суточного пути шествует над этими пределами.

Конечно, в той книжке про любовников Екатерины II слова не было, что при вступлении царицы на престол, она заявила, что главным своим правилом считает «иметь попечение и труды о тишине, и благоденствии вверенной от Бога пространной империи и о умножении в оной обитателей». Для «умножения обитателей» четвёртого декабря 1762 года императрица издала Манифест, которым приглашала всех иностранцев, кроме евреев, селиться в России, обещая новым российским гражданам свою монаршую милость и благоволение. Тем самым была начата (и продолжалась более века) программа водворения (так именовался в то время процесс переселения) иностранных граждан в Россию. И пусть при Екатерине Великой немало европейского сброда попало в Россию-матушку (механизм привлечения переселенцев имел на первых порах существенные недостатки), проект начал работать. Его улучшали и продолжали императоры Павел I, Александр I, Николай I и Александр II. Кстати, в той самой первой волне переселенцев в Россию приехали предки одного из основоположников советской космонавтики, соратника С.П. Королёва, – академика Бориса Викторовича Раушенбаха.

Мои предки по маминной линии, болгары, переселились в самом начале царствования Александра I в Причерноморье, убегая от турецкого ига. Сотни болгарских семей осели на территории нынешних Николаевской и Одесской областей. Предки моей героини, Эльфриды Германовны Нейфельд, практически в это же время приехали из Пруссии в Малороссию на реку Молочная. Были они из протестантов, а именно – меннониты.

Самонадеянный человеческий ум, обуреваемый гордыней, однажды принялся дерзновенно перетолковывать боговдохновенное Священное Писание. Пятьсот лет назад, в 1517 году, Мартин Лютер, вчитываясь в Евангелие, попался бесу на крючок. Лютер как плотину открыл, за ним десятки подобных толкователей и перетолкователей бросились создавать свои учения. Один, нахватавшись цитат из Евангелия, строил одну теорию, второй подгонял христианство под свою колодку.

Каких только протестантских теорий ни появилось в пику католической церкви. Одно из них породило в XVI веке в Голландии секту меннонитов. Её название пошло от голландца Менно Симонса. Последнего нельзя считать основателем секты, она возникла за семь лет до присоединения к ней Менно. Однако последний оказался из племени истинных революционеров, о подобных поэт скажет много позже «гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». Менно стал активным организатором и наиболее типичным выразителем воззрений новоиспечённого учения. Будучи талантливым миссионером, он сумел за короткое время пламенными проповедями увлечь в свои ряды большое количество голландцев. Если в двух словах сказать об особенностях меннонитов, они во исполнение заповеди «не убий» отказались от ношения оружия, службы в армии и военной присяги. Во исполнение той же заповеди самым категоричным образом, говоря современным языком, относятся к прерыванию беременности (поэтому всегда отличались чадородием). Меннониты считают, что не сле-

дует крестить детей рано, человек должен в восемнадцать-девятнадцать лет сам принять осознанное решение, будет он креститься или нет и в какой церкви. Сплошной либерализм: не родители посвящают своё чадо Богу, как это было с Иисусом Христом, оно само решает: быть или не быть.

Властям Голландии не понравилось новое учение – огнём и железом, казнями и гонениями попытались заставить вероотступников вернуться под лоно официальной церкви. Однако это привело (в том же XVI веке) к массовому исходу меннонитов из Голландии. Бежали в Северную Германию, Голштинию, Восточную Пруссию и Польшу. Менно сумел насмерть отучить их от католицизма.

Далёкие предки моей героини из Голландии переселились в Польшу. Земли им достались, прямо скажем, хуже некуда – в устье Вислы на Мариэнвердерской низменности. Местность состояла из болот, песков, и солончаков, покрытых кустарником и лесом, заливаемых то рекою, то морем. Казалось бы, о каком земледелии может идти речь, если земли как таковой нет. Увидев безрадостную картину, меннониты рук в отчаянии не опустили, наоборот, засучили рукава. Унылую низменность оградил от реки и моря земляными плотинами, осушили болота, вывели пески и солончаки и превратили этот угол Польши в цветущий сад и тучные нивы. Польские короли по достоинству оценили труд чужаков, охотно позволяли им и дальше селиться на своих землях, наделяли равными со своими коренными гражданами правами, не стремились окатоличивать упрямых сектантов, предоставляли меннонитам свободу веры и свободу от военной службы.

Однако после окончательного раздела Польши в конце XVIII века та её часть, где жили меннониты, вошла в состав Прусского королевства. Не всем воинственным прусским королям нравилось, что меннониты не хотят вставать под ружьё, требуют себе привилегий, к тому же при своём чадородии быстро распространяются вширь на немецких землях, тесня тем самым коренное население. Причём, живут обособленно и не ассимилируют с немцами. И начали выражать своё королевское недовольство. Меннониты поняли, с германцами каши не сварить, и двинулись на восток, в зовущую их Российскую империю.

Было несколько волн «водворения» меннонитов на земли России. В одной из них предки моей героини пришли в Малороссию на реку Молочная.

Дореволюционный исследователь меннонитов С.Д. Бондарь в своём труде «Секта меннонитов в России» пишет о переселении оных из Пруссии: «Милостивое внимание нашего Правительства к меннонитам оказало громадное влияние на дальнейшее переселение их в Россию. Из Пруссии, окрестностей Данцига, Эльбинга и Мариэнбурга, они целыми селениями переходили на жительство в Россию. Зажиточные хозяева продавали свои имущества, иногда в 30–40 тыс. гульденов, и шли в Россию. В 1804 г. из Пруссии вышло 162 меннонитских семейства, которые и были водворены на Молочных водах. В следующем 1805 г. из Пруссии вышло 42 семейства, из них 20 семей были водворены в Виленской губернии, а остальные на Молочных водах. В течение 1806 г. вышло всего 15 меннонитских семейств из Пруссии, которые также были поселены на Молочных водах. Всего с 1803 по 1806 г. здесь было поселено 362 семейства прусских меннонитов. Это были люди зажиточные; они привезли с собой в Россию значительное количество лошадей, скота, сельскохозяйственных орудий и наличные деньги. По прибытии их на место водворения им было выдано из казны заимообразно до полумиллиона рублей на постройку домов, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведение. На Молочных водах меннониты этого («третьего») водворения основали 17 колоний, из них 11 по берегу реки Молочной, 2 – вблизи речки Токомак и 4 – вблизи Куру-Юшанла».

И ещё цитата из Бондаря: «Меннониты в России получили совершенно исключительные привилегии. Водворение их в России при Екатерине II и Павле I признавалось делом государственной важности. Правительство сделало для них всё, чего они только желали. Их переселение в Россию производилось на счет казны, и было обставлено всеми удобствами. Их щедро

наделили землей; они получили такие права и льготы, о которых не могли и мечтать русские переселенцы... Такую же исключительную заботливость о меннонитах русское Правительство проявляло и в царствование Императора Александра I».

Правительство России прекрасно знало, кого оно приглашает в лице меннонитов. И не ошиблось. Официальная записка Министерства государственного имущества о меннонитских колониях, напечатанная в журнале данного ведомства за 1841 год рисует яркую картину довольства и благополучия, господствовавшего в этих хозяйствах: «Въезжая в колонии меннонитов, чувствуешь себя как будто перенесенным в другой край. Видимое здесь во всем устройство находится в резкой противоположности с бытом прочих поселян. Селения расположены правильно, с достаточными интервалами; впереди между домами и позади оных находятся фруктовые сады, а около селений – достаточные лесные плантации, весьма удачно взращённые. Дома большею частью каменные... Внутреннее расположение домов весьма удобно, отделка чиста и красива. Надворные строения устроены отлично и применены ко всем потребностям хорошего хозяйства. Все вместе дает домам меннонитов весьма приятный и опрятный вид... В быту меннонитов видно во всем изобилие; бедных у них нет; все почти достаточны, богатых по крестьянскому быту много, а состояния некоторых возвышаются от 15 до 20 тысяч рублей серебром годового дохода».

Так что цветущее состояние меннонитских колоний обуславливалось не только трудолюбием и хозяйственными способностями меннонитов, но и отношением к ним в России. Наделив меннонитов в изобилии землей, правительство империи оградило их от всякого вмешательства тогдашней губернской и уездной администрации и постоянно шло навстречу всем их хозяйственным начинаниям. Меннониты (в особенности молочанские) успешно пользовались сочувствием российских властей, поднимая своё хозяйственно-экономическое благосостояние.

Наряду с земледелием молочанские меннониты-колонисты занимались садоводством и шелководством, а также промыслами, вследствие чего Молочанский округ стал главным центром хозяйственной и интеллектуальной интеллигенции. Меннониты всегда ревностно относились к грамотности, считая её «важнейшей потребностью общества», поэтому строили не только церкви, но и школы, гимназии, отправляли детей учиться за границу. Влияние меннонитов на окружающих русских крестьян считалось благотворным, так как они «трудолюбивы, нравственны, гуманны и трезвы».

Пожалуй, и достаточно исторических экскурсов, пора передать слово моей героине – Эльфриде Германовне.

Тётушки Вильмс и Демьян Бедный

Родилась я в Молочанске. Раньше город назывался Гальбштадт, что в переводе с немецкого – Полугород. Так своё поселение называли меннониты, обосновавшись на этом месте в 1803 году. До революции семнадцатого года Молочанск был волостным центром, позже стал – районным, а с 1938 года – городом, раньше Днепропетровской, теперь Запорожской области. Стоит на реке Молочная, которая в моём детстве летом сильно мелела. Но бывали и наводнения. Я помню только одно, а мама – три. Почему-то при наводнении говорили: пришла черниговская вода.

Молочанск делился на Старый и Новый город, в Новом в основном жили служащие, учителя, врачи, несколько фабрикантов, там была меннонитская церковь, женская гимназия, реальное училище, мужская гимназия, банк и большой машиностроительный завод «Франц и Шредер». Его в шестидесятых годах XIX века построили купцы Франц и Шредер, для производства косилок, молотилок, сеялок, плугов и кирпично-черепичных прессов.

В старом Молочанске по большей части жили крестьяне из богатей. Там же – мои дедушки и бабушки по отцовской и материнской линии. Генрих Вильмс – владелец большой паровой мельницы – родственник моего деда. Из учебных заведений в старом Молочанске были коммерческое училище и сельская школа. Была и православная церковь, которую построил мой дед Вильмс, когда был ещё богатым, для летних сезонных рабочих, приезжающих из России.

О своих предках знаю в основном по рассказам родителей и тётушек. Меннонитский язык схож с голландским и представляет из себя обиходное нижненемецкое наречие (платдойч). На нём говорили в местностях, где действовал Менно Симонс. Потому-то Менно писал свои воззрения на платдойч. Помню начало одного стихотворения: «Жил на свете меннонит, меннонит голландский, к русским землям аппетит проявил цыганский». Меннониты, благодаря своему трудолюбию и бережливости, были зажиточны. А так как отличались они повышенным чадородием, запрет на аборт соблюдали свято, нужны были новые и новые земли. Арендовали, скупали, проявляли «цыганский аппетит». Многие меннониты из крестьян превращались в помещиков, фабрикантов. Такой путь прошли мои предки по материнской и отцовской линии.

Дед по маме, Яков Андреевич Вильмс, владел крахмальным заводом. И если на самом большом заводе Молочанска «Франц и Шредер» работало двести рабочих, у моего деда – сто двадцать. Однако он умудрился в первое десятилетие XX века вступить в какое-то акционерное общество и вскоре обанкротился. Его жена Мария, урожденная Винс, была дочерью помещика. На детей были счастливы, десять отпрысков: три сына и семь дочерей. Дедушка Яков Вильмс умер до моего рождения, бабушка, Мария Вильмс, – когда мне шёл третий год. Мама рассказывала, однажды я удрала от своих нянек, прибежала к больной бабушке и спросила: «Что, бабушка, полегчало тебе? Или будешь уже совсем-совсем умирать?» Проявила внучка заботу.

Марию Вильмс, подтверждением тому рассказы и две каким-то чудом сохранившиеся фотографии, Бог сполна наделил красотой. Высокая, царственная, с классическими чертами лица. К сожалению, ни дочери, ни внучки не унаследовали её красоту и статью. Кровь Вильмсов оказалась сильнее породы Винсов. У всех, в том числе и у меня, характерный вильмсовский курносый нос. Все низкорослые, и я не исключение. Маминых сестёр, моих тётушек, звали – Маша, Ева, Лиза, Оля, Катя, Лена.

Несмотря на банкротство дедушки, семья отнюдь не нищенствовала, дети имели возможность получить хорошее образование. Мама и её сёстры Маша, Ева, Лиза, Оля окончили женскую гимназию, Катя и Лена и того выше – окончили в Швейцарии институт благородных девиц. Их брат Яша (отец моей двоюродной сестры и очень хорошей подружки Веры, в заму-

жестве Дик) окончил химический институт в Германии, брат Генрих там же в Германии – архитектурный. Меннониты Молочанска отличались не только умением вести дела, ревностно относились к образованию, считались интеллектуальной элитой губернии.

После окончания института в Швейцарии тётушкам Кате и Лене по существующим правилам предстояло сдать экзамен по русскому языку в Петербурге. В репетиторы наняли Демьяна Бедного, того самого, который в двадцатые-тридцатые годы гремел на всю страну трескучими пролетарскими стихами. Кате и Лене он заявил: «Буду с вами заниматься, если ваша фамилия не оканчивается на «берг» или «штейн». Демьян Бедный за свою жизнь много раз перекрашивался. В тот период открыто недолюбливал евреев. Собственно, по курносым вильмсовским лицам мог без фамилий определить, что девушки не относятся к иудеям. После революции антисемитизм Демьяна Бедного, судя по его биографии, угас, поэт прекрасно ладил с руководителями ленинского призыва, среди коих иудеев, как известно, насчитывалось предостаточно. Не только ладил, но и превозносил в стихах Ленина и Троцкого. А потом и грузина Сталина, не зря жил не где-нибудь на пролетарской окраине Москвы, а в Кремле.

Так что буржуазных моих тётушек русскому языку учил пролетарский поэт. «Демьян Бедный – мужик вредный», – писал он о себе. Про вредность репетитора тётушки ничего не говорили и экзамен по русскому языку сдали хорошо. Одно время меня учили, в том числе и русскому языку, и хотя я окончила всего семилетку и техникум, но люди, знающие русский язык, всегда отмечали мою высокую грамотность.

Вернувшись в Молочанск, тётушки начали преподавать в женской гимназии, там же вела уроки рукоделия их сестра Оля. Она очень красиво вышивала. Помню, букет из пяти роз, цветы, будто только срезанные. Дядя Яша хорошо рисовал, искусно вырезал по дереву. У нас в доме была его работа – лихая русская тройка, летящая по заснеженному полю.

Когда мы обеднели, стало не на что покупать кукол, дядя Яша дочкам и племянницам вырезал из дерева красивые кукольные головки, а тётя Оля шила сами куклы. Тётя Маша и тётя Катя хорошо играли на пианино. У них был дорогой инструмент известной фирмы «Беккерт». В отличие от нас, Вильмсы с приходом большевистской власти не считались врагами пролетариата – буржуями. Банкротство Якова Андреевича Вильмса обернулось семье во благо при советах. Не подвергались Вильмсы экспроприации, национализации, изъятию излишков и репрессиям. Тогда как мы, Нейфельды, сразу и на долгие годы были внесены в чёрные списки.

Кроме игры на фортепиано тётя Катя хорошо лепила красивые вещи из глины. Помню сидящую девушку, обнявшую руками колени. Процесс изготовления крынки видела своими глазами. Тётушка на гончарном круге ловко сделала заготовку. Через какое-то время поместила её в русскую печь, после выпечки хлеба. Наконец расписала изделие: на небе вечерняя заря, на фоне которой летят птицы, а на подоконнике открытого окна сидит девушка с косой и смотрит на зарю и птиц.

Тётя Лена сочиняла стихи. После революции она и тётя Катя преподавали в семилетке. Однажды сочинили маленькую оперетку «Карцер». Тетя Лена написала стихи, а тётя Катя подобрала к ним мелодии из немецких народных песен. Роль директора школы артистично исполнял молодой учитель, публика без смеха не могла смотреть на него. Вдруг напустит ужас на лицо, один глаз в одну сторону дико уставится, другой в другую. Или сведёт их к носу, дескать, сейчас в порошок всех сотру! Невозможно было не хохотать... Оперетка прошла на ура, зрители бешено аплодировали...

Жили мои тетушки Оля, Лена и Катя (никто из них так и не вышел замуж) в своём двухэтажном доме швейцарского стиля. Мы, племянники, любили собираться у них. Это было что-то, когда весь наш отряд (восемнадцать племянников и племянниц насчитывалось у тётушек) собирался вместе. В тёплое время года спали на большом балконе. Тёти, конечно, держали нас в строгости, но всё одно не дома, успевали и пошалить и поиграть вволю. Счастливое время...

Царствие Небесное тётушкам. Все мои школьные знания получены благодаря им. После революции преподавательский состав, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Пример тому казус с моим братом Германом, которого звали мы дома Гарри. В одно время в молочанской семилетке появились два молодых учителя, которых занесло в наш захолустный городок из самой Германии. На родине они зарабатывали на хлеб сапожным ремеслом, а в свободное от подмётков и каблуков время поддались революционным настроениям – примкнули к социалистам. Когда власти принялись изводить революционную заразу, сапожники бежали в Россию. Почему-то на новом месте не пошли в сапожную мастерскую шить да латать обувь для молодой советской республики, подались в преподаватели. Их с распростёртыми объятиями взяли. Народное образование посчитало: кому как не носителями передовой европейской революционной закваски просвещать молодое поколение тёмной России в том числе и нашего Гарри.

Из моих шести братьев пять схватывали знания на лету, где бы ни учились – только на «отлично». Но в семье не без Гарри. Гарри был неисправимо ленив на учёбу. Ни мама, ни папа, ни тётушки ничего с ним поделывать не могли. Как-то прибегает из школы и прямым ходом к маме на кухню с победным воплем: «пять!», по диктанту – «пять!»! Это была первая и последняя пятёрка Гарри в его короткой жизни. Мама взяла тетрадку у ликующего от счастья сына и сходу нашла в диктанте рой грамматических ошибок. Ни две, ни три, а двадцать восемь. Не зря на заре кинематографа, да и потом на протяжении многих десятилетий разгневанные зрители кричали киномеханику «сапожник», когда рвалась плёнка или ещё по какой причине киносеанс прерывался на самом интересном месте. Каким бы ты ни был социалистом, но если сапожник, не лезь в пирожники.

В один год нашу семилетку закрыли. Тётушки организовали в своём доме небольшую школу для племянниц и племянников. В ней я получила больше знаний, чем за три года в семилетке, в которой историю вообще не преподавали. Упомянутого выше Демьяна Бедного мы учили, зато под запрет попали Пушкин, Гоголь и Лермонтов как буржуазно вредные для коммунистического завтра писатели и поэты. Не знаю, может, только Украина отличилась этим. Наркомом просвещения в незалежной был некто Скрипник. Ходили разговоры – вредитель.

Дедушка Герман Нейфельд

Дедушка по отцовской линии Герман Германович Нейфельд был человеком энергичным. Он и два его брата Яков и Генрих получили после смерти отца-крестьянина по завещанию по 30000 рублей. Яков и Генрих остались крестьянами, а дедушка пошёл в заводчики.

В Молочанске он имел пивоваренный, уксусный и лимонадный заводы. Кроме того – большой магазин. Было у него одно поместье в Крыму, а второе на Северном Кавказе.

Деда Германа помню совсем чуть-чуть, мне шёл четвёртый год, когда он умер. Случилось это поздней осенью 1914 года. Мы со старшим братом Генрихом (в семье звали его Гейнцем) болели корью. Под присмотром няни сидели в столовой на широком подоконнике, смотрели на похоронную процессию. Во дворе стояло много-много людей в чёрном, и вот гроб с дедушкой понесли... И ещё одно смутное воспоминание: дедушка сидит за пианино и одним пальцем играет хоралы. Воспоминание нечёткое, но почему-то во мне живёт твёрдая уверенность – играл именно хоралы.

Мама про дедушку много рассказывала. Был добрым по натуре, постоянно помогал бедным, выделял средства для церкви, а также меннонитскому обществу.

Дедушка жил бы да жил (умер в сорок с небольшим), подкосил плен, в котором оказался в 1909 году. Беда и счастье зачастую рядом ходят: мама с папой были женихом и невестой, а в этот их неповторимый период с дедушкой произошёл страшный случай. Поехал на Кавказ посмотреть, что и как в его имении, да угодил в руки шайки абрека Заура. В тридцатые годы вышел фильм про пламенного борца за справедливость джигита Заура, этакого кавказского Робин Гуда XIX века. Пленивший дедушку Заур робингудством не отличался – бандит с большой дороги. По требованию разбойников дедушка запросил у бабушки сорок тысяч рублей. В такую сумму оценили голову пленника абреки. Знали, кто оказался в их руках, и какой выкуп с него можно сорвать. Обставили операцию по всем законам детективного жанра: сумму потребовали доставить в такой-то день, во столько-то часов, в такое-то место. В противном случае – «как баран буду тэбя рэзать!»

Ультиматум отправили бабушке в Молочанск, тем временем дедушку вознамерились упрятать от посторонних глаз. Посадили на лошадь, привязали и повезли ценным грузом в горы.

С наступлением темноты шайка бандитов остановилась на ночлег у придорожной сакли. Неказистое строение из камня с травой на крыше. Дедушку завели вовнутрь, приставили к нему охранника, остальные разбойники расположились под открытым небом. Дедушкин страж сел поближе к входу, дедушке показал на дальний угол, где лежала грубая кошма. Устав от переживаний, путешествия на лошади дедушка забылся тревожным сном. Вдруг трах-бах: стрельба, резкие крики горцев. Дедушка вскинулся с кошмы от мысли: перестрелка не оттого ли возникла, что вор у вора хочет ворованное украсть? Другая банда, их хватало на Кавказе, нагрянула с желанием отнять у Заура выгодного пленника. В сакле кромешная темнота. Дедушка тихонько переполз в другой угол. Будто кто подсказал: так следует поступить. Затаился на новом месте, вдруг гром выстрела – охранник саданул из винтовки в то место, где прежде сидел пленник, и выскочил из сакли.

То ли был ему наказ, в случай чего стреляй на поражение, чтобы ни себе, ни людям не достался пленник, то ли от перепуга нажал на курок. Дедушка подумал про первый вариант. Сейчас войдут проверить меткость выстрела и добьют, удостоверившись в обратном. Попытался прикинуться убитым и... услышал русскую речь.

Дедушке необыкновенно повезло. Месяца за полтора до того, как он оказался в руках Заура, другая шайка похитила русского помещика по фамилии Мясоедов. Воровством с целью выкупа кавказцы постоянно промышляли. Как и моему дедушке, помещику поставили усло-

вие – деньги на бочку или «секир башка будэм дэлат!». У жены помещика средств для выкупа не имелось. Решительная женщина не впала в панику, обратилась к царю: всемилостивейший государь, помогите... Была она из дворянского рода, предки верой и правдой служили Екатерине Великой, Павлу I, Александру I и другим царям, геройски сражались с турками, французами и другими врагами отечества. Ради заслуг рода попросила императора о помощи. Царь не отказал, высочайшим распоряжением для вызволения помещика выделил отряд солдат.

Последний в ночном переходе случайно набрёл на саклю с дедушкой и освободил его. Помещик, как оказалось, задолго до этого совершил дерзкий побег. Перехитрил горцев и ушёл от них ночью. Около месяца прятался в кукурузе, питаясь только ею.

Банда Заура оказала отчаянное сопротивление русскому отряду, в перестрелке был убит офицер и несколько солдат. Разбойники, раздосадованные потерей огромного барыша, разбегаясь, кричали: «Зарэжэм! Если ни эта Нейфелд, так его сын или баба!»

Тем временем бабушка, ничего этого не зная, отправила на Кавказ нарочного с выкупом – сорока тысячью рублями. Тот прибыл с саквояжем, полным денег, в назначенное бандитами место. Но шайка разбойников после столкновения с русским отрядом ушла в горы. Заур решил: жадная «баба» вместо «дэнга» за мужа наслала солдат на абреков. Нарочный подождал-подождал связного от джигитов-разбойников и, не дождавшись оного, вернулся с деньгами в Молочанск.

После этого дедушка сразу продал имение на Кавказе, в благодарность Богу за спасение раздал одну часть денег, предназначавшихся для его выкупа, вдове офицера и вдовам солдат, что погибли при его освобождении, другую выделил церкви.

Перед смертью дедушка написал завешание, передавая всё бабушке, но при этом сразу указал, кому из детей и что должна завещать бабушка после своей смерти. Но завещать ничего не пришлось – новые времена разделили наследство по-своему.

Бабушка Эмилия

Бабушка – Эмилия Нейфельд (урождённая Гамм) была маленькой, толстенькой женщиной и большой любительницей стряпать. Несмотря на то, что полный дом был прислуги, не выходила из кухни. И ещё имела одну особенность – аккуратная до невозможности. Неукоснительно следовала правилу: каждая вещь в доме должна иметь своё место и находиться непременно там, где ей по штату положено, никак не иначе. Сдвинутый стул, переставленная статуэтка, отдёргнутая штора вызывали недовольство. По рассказам мамы, бабушка не отличалась щедростью. Был свой у нас в хозяйстве свинарник, забивали сразу по шесть свиней. Окорочка, грудинку и колбасу коптили в больших количествах. Однажды несколько окороков от длительного хранения заплесневели, бабушка решила, чем выбрасывать добро, лучше отдать на кухню, кормить рабочих. Узнав об этом, дедушка разгневался: «Не смей этого делать!»

Когда бабушка спросила у больного дедушки, после подписания им завещания, сколько средств выделил на помощь бедным, он ответил: «Твоё сердце и совесть сами подскажут». Не стал бабушку расстраивать из-за больших сумм.

Когда нас в советское время выгнали из дома, мы одно время обосновались у тётюшек по маме Оле, Лене и Кати Вильмс, с бабушкой я жила в одной комнате. В мои обязанности входило чесать ей по вечерам спину щёткой, утрами заплетать тоненькую косичку. Бабушка мне с гордостью рассказывала, что её сватали аж семь женихов. Перечисляла их имена. Говорила, что дедушка за ней красиво ухаживал и допытывался: любит она его или нет? Ему важно было знать её чувства. На что бабушка кокетливо отвечала, что Иисус Христос велел всех любить. Она родила одиннадцать детей, но выросли только четверо. Мой отец, Герман Германович Нейфельд, был старшим ребёнком в семье. Он окончил молочановское реальное училище, потом мелитопольское коммерческое.

Второй сын бабушки и дедушки – Генрих Германович Нейфельд, которого мы, его племянники, звали почему-то дядей Андрюшей. Живым его плохо помню, зато убитый врезался в память, расскажу об этом обязательно. По словам мамы, был нехорошего поведения. Женился на полячке по имени Геня. Наверное, «нехорошего», что не на немке женился, у меннонитов с этим было строго. После смерти дяди Андрюши Геня, когда пришли красные, вышла замуж за командира сибирского полка Красной армии, некого Верномудрова и вскоре уехала с ним и пятилетним сыном Вилли в Сибирь. Их след навсегда затерялся.

Папина сестра Эльза Германовна Нейфельд – яркая красивая женщина – вышла замуж за германского офицера в 1919 году, когда германские войска оккупировали Украину, в том же году уехала с супругом в Германию. Родила двоих сыновей Вальтера и Эгона. Умерла в Германии. Там же умерла и бабушка Эмилия. Старший сын тёти Эльзы Вальтер воевал на стороне фашистов в Великую Отечественную войну и погиб под Сталинградом, младший Эгон тоже воевал. Был тяжело ранен, умер в Германии в доме престарелых. Получал хорошую пенсию.

Бабушка уехала в Германию к Эльзе в 1927 году.

Папина сестра Мария Германовна Нейфельд окончила женскую гимназию и консерваторию. Хорошо играла на пианино. Вышла замуж за родного маминого брата Ивана Вильмса. Они уехали в Канаду в 1924 году во время эмиграции меннонитов, удивительно, им разрешили беспрепятственно уехать из СССР (папа мой не решился). Единственная дочь Марии Германовны умерла от рака в возрасте тридцати трёх лет. Тётя посмертно оставила мне и моим братьям, а также Эгону в Германии немного долларов, из коих я себе кое-что купила в московской «Березке» и раздала немного детям.

Мой папа был тихим, немногословным, возможно, на него повлияли тяжёлые переживания. Все годы, начиная с семнадцатого, когда в Молочанск нагрянули анархисты, и до самой своей смерти в сорок первом, жил со страхом в душе за судьбу семьи, семерых детей. Был

начитан, хорошо владел немецким, русским и английским языками. Благодаря ему я стала бухгалтером, без этой профессии навряд ли выжила бы в лагере, бухгалтерство кормило меня всю жизнь.

Наш двор

Двор у нас был огромный. Большой дом, заводы (пивоваренный, лимонадный, уксусный), всевозможные хозяйственные постройки – всё находилось за одним забором. Дом стоял справа от широких ворот – двухэтажный, из белого кирпича. Его внешний вид не отличался помпезностью, снаружи выглядел обыденно, не сравнить с особняком того же Эрнста Нейфельда (нашего однофамильца) или Франца (владельца завода «Франц и Шредер») или Генриха Вильмса (родственника мамы). У них были дворцы.

На нижнем этаже нашего дома располагалась столовая. С большим столом, человек на тридцать. Из раннего детства вынесла – за обеденным столом часто по вечерам сидели гости. Запомнились акцизные чиновники – громкие, весёлые. Они приезжали в Молочанск в командировки и не торопились быстрее-быстрее завершить дела и отправиться восвояси. Обедали, ужинали у нас, любили вкусно покушать. Часто просили бабушку сделать шашлык. Получив заказ, бабушка поднималась к дедушке в контору и говорила: «Сизнак (так у неё звучало слово «акцизные») хотят шашлык». Она недолюбливала шумных гостей, но ничего не попишешь – нужные люди. Дедушка на подводе отправлял рабочего в ближайшее село купить барашка, обязательно молодого. Под шашлык акцизные употребляли красное вино в немалых количествах.

Частыми гостями в доме были директор коммерческого училища, профессор Вальтер Унру, доктор Кетат и хирург Тавониус, врачи были из Прибалтики. В отличие от акцизных прибалты и профессор вели себя чинно, вино пили мелкими глотками.

Одна дверь из столовой вела в небольшую комнату, которая почему-то называлась швейной. Не запомнилось, чтобы в ней шили. Вторая дверь была в столовую для служащих и рабочих. На первом этаже находилась комната для прислуги и большая зимняя кухня, а также прачечная и гладильная. В гладильной стояли доски для глажки, но главной достопримечательностью был допотопный монстр, с помощью которого катали постельное бельё. Ничего подобного больше в жизни не видела. Представлял он из себя большой массивный гладкий стол, при нём два вала, на которые наматывалось бельё. На валы ставился громадный ящик, полный булыжников, с обеих сторон у него были ручки, и две домработницы брались за них и тянули ящик то в одну, то в другую сторону вдоль стола, валяя тем самым бельё.

Сразу за гладильной была небольшая комната, наподобие предбанника (кстати, бани немцы не любили). Из неё одна дверь вела в туалет, через вторую попадали в ванную. После мытья детей закутывали с головой в банные простыни и несли на второй этаж. Я, находясь на руках у няни, не видя ничего вокруг, гадала, на какой ступеньке нахожусь. Третья дверь из предбанника вела в длинный туннель, крытый проход, который вёл в летнюю кухню и всякие кладовые. В одной из них был вход в погреб со всякой вкуснотой. Там хранились маринады, варенья, на полках высоких стеллажей лежали зимние сорта яблок и груш. Для солений и корнеплодов предназначался отдельный погреб. Неподалёку от второго погреба находилась всегда вкусно пахнущая коптильня. Её запах помню до сих пор. Оказываясь рядом с коптильней, обязательно вдыхала его. Однажды в лагере угостили меня тонюсеньким кусочком копчёной колбасы. Я человек отнюдь не сентиментальный, но тогда навернулись слёзы, вспомнила нашу коптильню.

Из прихожей первого этажа по лестнице поднимались на второй и оказывались в коридоре с дверями по сторонам. Одна из них вела в две бабушкины комнаты, вторая – в зал, где кроме мягкой мебели стояло пианино, третья – в ещё один крохотный коридорчик, который вёл в деловую часть дома. Здесь находилась контора, состоявшая из двух комнат. В первой сидели бухгалтер и делопроизводитель, во второй, поменьше, был кабинет папы. Здесь же был служебный вход в магазин. Покупатели попадали в магазин с улицы, через большие двери с

бронзовыми ручками в форме львов. По широкой мраморной лестнице они поднимались в торговый зал.

Перед домом был разбит небольшой садик. В нём росли три высоких пирамидальных тополя, кусты сирени и много-много цветов на большой клумбе. Цветами занимался наш садовник. Основной достопримечательностью садика был, конечно же, фонтан. Круглый бассейн, посередине нагромождение больших камней, на которых лежал, задравши голову вверх бронзовый дельфин, из его пасти били высокие, тугие, рассыпающиеся на своих вершинах струи. Среди построек двора был ещё пивной бар с входом с улицы.

Вернусь к описанию зала. Одна дверь из него вела на большой балкон, вторая в уютную, оформленную, насколько помню, в мягких голубых тонах гостиную. Из гостиной попадали в спальню папы и мамы и детскую. В памяти у меня (хотя на самом деле это было не всегда так) большая комната детской с окнами на юг и восток была постоянно залита солнцем. Даже тяжёлые тёмные шторы, которые задвигались во время дневного сна, не могли удержать напор солнечного света, лучи проникали в щели, ложились на пол весёлыми полосками.

Яркие и радостные воспоминания тех лет связаны, прежде всего, с детской и залом. Дед Мороз приходил к нам не на Новый год, а недели за две до Рождества. Приходил в детскую. Слушал наши стишки, делал наставления быть послушными, угощал конфетами, шоколадом, орехами. Многие из наших знакомых и родственников устраивали ёлку 24 декабря вечером, в сочельник. В нашей семье почему-то это делалось утром 25 декабря. За неделю до Рождества вступал в силу строгий запрет на вхождение детей в зал. Дверь из него в гостиную закрывалась на ключ. Мы через зал уже не ходили. В нём устанавливалась и украшалась ёлка. Дети в этом участие не принимали, видели полностью наряженную ёлку только в день Рождества Христа. Высокая, до самого потолка, пушистая, сверкающая игрушками, она царственно стояла посередине зала. Но нас, детей, первым делом интересовало, что под ёлкой. Боже, какие там были за подарки! Игрушки выписывались загодя, в основном из Германии. Мои братья Гейнц, Гарри и Саша (Яша был совсем маленьким, Рудольф родился в 1919-м, а Зигфрид в 1921-м, когда уже не было подарков) получали железную дорогу с паровозами и вагонами, сверкающие яркой краской машины и тому подобное, а мне дарили куклы. Красивые в бесподобных платьях они умели ходить и говорить «папа» и «мама». Братья, наигравшись своими поездами и машинами, брались за куклы во время моего отсутствия. Разбирали их до последнего винтика, желая выяснить, каким образом они ходят и говорят. Было страшно обидно увидеть красавиц кукол в виде уродливых деталей. Первой реакцией на вопиющее безобразие были слёзы. Однако проливала их недолго, во мне вспыхивало желание мести, я бросалась на братьев с кулаками. Дважды не судят за один проступок, я же, основательно поколотив братьев (хоть они и мальчишки, но младше меня) шла жаловаться родителям. Коварная была сестра.

Описывая дом, забыла одну деталь, у нас имелась совсем тёмная кладовка со стеллажами до потолка, полными мануфактурой, принадлежащей бабушке. Как любая женщина, бабушка любила наряды и покупала ткани впрок. Дабы в нужный момент для нового платья не искать ткань по магазинам, а выбирать из своих обширных запасов. Там были и панбархат, и шерсть, и яркий китайских шёлк... В одно время бабушка надумала раздать эти запасы ближайшим родственникам-женщинам. То ли решила, что она уже перешла возраст, когда женщине ещё к лицу щеголять новыми нарядами, то ли почувствовала, что всё это может пойти прахом (так вскоре и произошло). Взяла и раздала мануфактуру дочерям – Эльзе и Марии и невесткам – маме и супруге дяди Андрюши Гене. Мне тогда было около пяти лет. Я присутствовала при дележе, ревностно следила, кто и что получает от бабушки, и горько заплакала, когда стеллажи опустели. На бабушкин вопрос, что со мной случилась, ответила, что я тоже женщина, а мне ничего не дали. Бабушка рассмеялась и подарила мне небольшой отрез ткани. Его забрали потом анархисты или махновцы.

Во дворе за домом по правую сторону стояли склады, в которых хранились товары для магазина. За ними находилось здание пивоваренного завода. Моё детское воображение поражала величина чанов для пивоварения. Немцы всегда умели готовить пиво, наше славилось далеко за пределами Молочанска. После революции (нас ещё не выгнали из дома, жили в нём) один из рабочих, по фамилии Жук, на ночь спрятался в каком-то заводском закутке. Всё уже рушилось, завод был на грани закрытия, и Жук решил погулять напоследок. Утром его нашли в одном из чанов. От пивных паров труп скрючило так, что перед положением в гроб его ошпаривали кипятком, пытаясь выпрямить. Кипяток мало помог. Освобождая чан, в котором нашли Жука, от остатков жидкости, на дне обнаружили серебряные карманные часы бедолаги. По предположению картина утопления выглядела следующим образом. Пива в чане было немного, Жук набирал его черпаком с длинной ручкой. Наклонился зачерпнуть очередную порцию вожаделенного напитка, а часы возьми и выскользни из кармана. Бульк и нет столь дорогой в прямом и переносном смысле вещицы. Жук не смог смириться с потерей. Разделся (труп обнаружили совершенно голым) и полез в чан. Судя по всему, до этого трагического момента незадачливый выпивоха употребил не один черпак дармового напитка, а может, просто надышался парами и утонул.

За пивным заводом был уксусный, за ним – лимонадный, а дальше в углу помещалась бондарная мастерская, где изготавливались чаны и бочки. Неукоснительно соблюдаемый на территории двора порядок после революции за короткое время сменился беспорядком. Возле бондарной стали валяться стружки и обрезки. Как-то ко мне пришли подружки, мы насобирали сухой травы, из обломков кирпичей сложили что-то вроде печи поблизости от бондарной мастерской, щедро натолкали в «печь» травы, стружек и щепок и подожгли. Нашли старый ковшик без ручки, набрали в него воды и собрались что-то варить. Однако кто-то вовремя сообщил папе о хозяйюшках. Он прибежал бледный, взволнованный и при подругах меня крепко отшлёпал. Ревела, как сирена. Не от боли, от страшной обиды: папа, который пальцем меня ни разу не тронул до этого, вдруг отшлёпал. Да ещё при подругах.

Поняла много позже серьёзность нашего проступка – случись пожар, папе могли предъявить обвинение в поджоге, дескать, вчерашний хозяин уничтожает имущество, чтобы не досталось народу: раз сам не ам, то и народу не дам! За это могли убить на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.